

А. В. Черных

**ЦЫГАНСКИЙ НОМАДИЗМ:
РОССИЙСКИЕ МОДЕЛИ (XIX — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX вв.)**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема цыганского номадизма в России. Предпринят анализ терминологии, используемой для обозначения цыганского номадизма, основные подходы к определению его специфики, приводятся номинации «сервисный номадизм», «коммерческий номадизм» и другие, используемые в международных и российских исследованиях. Определяются основные закономерности цыганского номадизма в России: сезонность, связь особенностей кочевания с хозяйственными занятиями, проживание и кочевание в ареале земледельческих народов России. Автор приходит к выводу о том, что специфика кочевого быта и мобильности цыганского населения России зависела от многих факторов, среди которых: особенности традиционных занятий той или иной группы, особенности сложившихся кочевых традиций, состав и характер взаимодействия с окружающим иноэтническим населением, нормы законодательства, регулирующие и ограничивающие передвижение населения в рамках государства, время формирования этнической группы на территории России и характер ее адаптации к российским социально-экономическим и этнокультурным реалиям. Приводятся примеры формирования групп оседлых цыган, что разрушает миф «о кочевании» как об универсальной характеристике, свойственной всем цыганским сообществам. Выделяется несколько сложившихся моделей кочевий: 1) локальная, проявившаяся у некоторых старожильческих групп (проживание на постоянном месте, уход на кочевье в летний период и возвращение к прежнему месту проживания к зиме); 2) региональная, характерная для большинства старожильческих цыганских групп, прежде всего — русских цыган; 3) масштабная российская модель кочевой культуры, характерная для цыган-кэлдэраров. В «классических» формах с различными вариантами и проявлениями данные модели существовали до середины XX в. Исследование основано на полевых, архивных и опубликованных источниках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цыгане России, номадизм, кочевые традиции, кочевой быт, модели мобильности, этнические группы цыган

УДК 397.4

DOI 10.31250/2618-8600-2018-2-111-130

ЧЕРНЫХ Александр Васильевич — чл.-корр. РАН, д.и.н., заведующий сектором этнологических исследований отдела истории, археологии и этнографии, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Россия, Пермь)

E-mail: atschernych@yandex.ru

В историографии термин «номадизм» прочно утвердился для характеристики кочевых сообществ. Цыганские кочевые общины также рассматриваются в контексте определения и концепции «номадизма». Однако нет сомнения в том, что цыганский номадизм обладает рядом характерных особенностей. Поэтому в исследованиях кочевых сообществ неоднократно предпринимались попытки дать определение особому варианту номадизма, характерному для большинства цыганских групп и ряда других общностей. Активное исследование различных кочевых сообществ, не являющихся «классическими» номадами-скотоводами, привело к появлению особых терминов для обозначения специфического номадизма. На рубеже 1970–1980-х гг. Роберт Хайден впервые вводит термин «сервисный номадизм» для обозначения групп, которые предлагают разнообразные товары и услуги окружающему населению (Hayden 1979), в дальнейшем понятие расширяется и уточняется, при этом авторы уточняют, что активность таких групп связана с экономическими причинами и отражает определенные социальные представления. Близким к «сервисному номадизму» термином, видимо, следует считать номинации «коммерческий номадизм» или «коммерческие кочевники», также используемые в научных публикациях о цыганах (Gmelch 1987: 134). Другим, получившим распространение в историографии термином, является номинация «перипатетик» (от англ. *peripatetic* ‘странствующий торговец’) и производные от нее: *peripatetic nomads*, *peripatetic nomadism* (Rao 1987: 1–32). Хотя все приведенные термины в настоящее время применимы в научном сообществе, более широко используется номинация «сервисный номадизм», в том числе и в цыганологических исследованиях (Марушиакова 2004).

В российской историографии раннего периода (до конца XX в.) чаще всего использовался термин «кочевой», «кочевание», «кочевой быт» и другие, отражающий особенности цыганских передвижений (Киселева 1952), в современных исследованиях наряду с этим активно употребляется номинация «мобильность» (Смирнова-Сеславинская 2011: 31; Черных 2017; 2018), цыганский номадизм определяется как специфический номадизм, не связанный со скотоводством (Абраменко 2006: 4). Использование международного термина «сервисный номадизм» отмечается только в публикациях последних лет (Смирнова-Сеславинская 2017).

Таким образом, выявление специфики цыганского номадизма, как и появление специального термина для номадизма особого рода, насчитывает лишь несколько десятилетий. Терминологическое разнообразие по-прежнему характерно как для международной, так и для отечественной историографии. При этом в последнее время термин «сервисный номадизм» все чаще используется для характеристики цыганских кочевых сообществ и будет использоваться в настоящем исследовании.

Цыганское сообщество России чрезвычайно многообразно, оно представлено более чем десятью различными этническими группами,

специфика которых проявляется в разных сферах этнической культуры. Среди цыганских этнических групп России — русские цыгане, кэлдэрары, сэрвы, влахи, крымские цыгане, кишиневцы, плащуны, ловари и другие. Формирование данных групп на территории Российской империи происходит в разные исторические периоды. К «старожильческим» цыганским группам обычно относят этнические группы русских цыган, сэров и влахов, которые сложились в результате передвижения их предков в Россию уже в XVII–XVIII вв., в ходе наиболее ранней первой миграционной волны цыганского населения в Россию (Смирнова-Сеславинская 2016: 26). Появление на территории России крымских цыган и кишиневцев исследователи связывают с социальными процессами, происходящими в ходе присоединения Крыма и Бессарабии (Смирнова-Сеславинская 2016: 26). Последняя миграционная волна второй половины XIX — начала XX вв. привела в Россию представителей цыган-кэлдэраров и ловарей (Черных 2018; Цветков 2008). Для этнических групп цыган были характерны различия не только в диалекте цыганского языка, этнокультурных комплексах, но они обычно имели и разные сферы занятости. Основными занятиями русских цыган, например, была продажа и мена лошадей, для женщин — гадание и попрошайничество. Цыгане-кэлдэрары относятся к группе цыган-ремесленников, их основными занятиями было лужение, изготовление металлических котлов и другая работа по металлу у мужчин и гадания — у женщин.

К сожалению, в настоящее время приходится констатировать слабую изученность этнографии значительной части этнических групп цыган России, что затрудняет проведение сравнительных исследований. В настоящей статье на основе полевых этнографических материалов с привлечением опубликованных и архивных источников мы попытаемся дать характеристику цыганской мобильности — номадизма основных групп цыганского населения России, прежде всего, русских цыган и кэлдэраров, с отдельными примерами других этнических групп для периода XIX — первой половины XX вв., когда традиционный кочевой образ жизни сохранялся значительным числом таборов цыган России.

Специфика кочевого быта и мобильности цыганского населения России зависели от многих факторов, среди которых:

— Особенности характерных для той или иной группы традиционных занятий. Мобильность цыган-ремесленников несомненно отличалась от тех групп, основным занятием которых было барышничество (торговля, мена, посредничество при продаже лошадей).

— Особенности сложившихся кочевых традиций. Они включали в том числе и использование типичных транспортных средств, кочевание с домашним скотом или без него и многие другие.

— Состав и характер взаимодействия с окружающим иноэтническим населением.

— Нормы законодательства, регулирующие и ограничивающие передвижение населения в рамках государства.

— Время формирования этнической группы на территории России и характер ее адаптации к российским социально-экономическим и этнокультурным реалиям.

— Природно-климатические особенности российских регионов, холодная зима обусловили сезонность кочевых передвижений большинства групп цыган России.

Сезонность — кочевание в летний период и проживание на одном месте в селах и деревнях в зимний период — была характерной чертой кочевых цыган большинства этнических групп цыган России, подтверждением чего являются многочисленные публикации архивных и полевых источников, относящихся к разным периодам цыганской истории России и разным группам кочевых цыган: «С наступлением весны начинают они ходить по государству и останавливаются всегда по большим дорогам» (Лекоент де Лаво 1829: 97); «Летом цыгане обыкновенно перекечевывали с места на место, везде находя подножный корм для лошадей и посещая конные ярмарки; зимой же они нанимали где-нибудь помещение для себя и для лошадей, платя за себя и за прокорм лошадей известную плату» (Плохинский 1890: 107); «В мае уже, где-то в середине мая уже выезжали, трава уже поднимается и уже кочевали. У нас, у меня свекровка были кочевные. Мы другой раз-то и не больно хотим. А ей надо было. Она всё время. Я говорю: “Мамко”, — я говорю, ведь уже она-то старые, уже всё, а вот, не может. Кровь-то всё равно. До осени кочевали. Уже холодно, прохладно уже делается. Где-то в ноябре. Даже после Покрова. Чуть-чуть эти заморозки — уже всё. Уже стали, квартиру искали. Снимали квартиру» (ПМА 2017а).

Большинство цыганских кочевых групп России, таким образом, можно отнести к сезонным кочевым группам, связанным с занятиями торговлей, гаданиями, ремеслами и др. среди оседлого земледельческого населения. Однако при общем типологическом сходстве особенности цыганских кочевых традиций и специфика цыганской мобильности наблюдаются в каждой этнической группе цыган. В условиях российских реалий, которые включают в себя огромные территории и различные природно-климатические ландшафты, а также традиционный быт разных народов сложились разные модели цыганского номуадизма.

ЦЫГАНЕ КОЧЕВЫЕ И ОСЕДЛЫЕ

Цыганское сообщество в общественном контексте чаще всего рассматривается как кочевое. В научной литературе предприняты попытки развенчания этого мифа, подготовлены академические статьи и приведены аргументы существования как кочевых, так и оседлых групп

Рис. 1. Цыганские палатки на Егошихе (Пермь).

1928 г. Из фондов Пермского краеведческого музея

(Марушиакова 2000: 44–46, 51, 63, 76, 81, 82; 2004: 18–19; Бессонов 2018a). В России также наряду с кочевыми цыганами, сохраняющими кочевой образ жизни и активную мобильность, достаточно рано формируются и оседлые группы. Оседание отдельных цыганских групп в России, формирование оседлого цыганского населения происходило на протяжении длительного периода XVII — второй половины XX вв. Факторами, влиявшими на эти процессы, были как экономические причины, так и государственная политика, направленная на оседание кочевых таборов.

Значительные оседлые группы цыган на территории, входящей в современную Российскую Федерацию, появляются, видимо, уже в XVIII в. В начале XIX в. группы цыган, составившие цыганские хоры, формируются в российских столицах — Санкт-Петербурге и Москве. В Санкт-Петербурге один из первых хоров появился уже в начале XIX в. Со временем возникли поселения хоровых цыган в Новой Деревне и на Черной Речке (Бессонов 2002). В 1774 г. в подмосковном селе Пушкино графа А. Г. Орлова-Чесменского возникает цыганский хор из его крепостных цыган из семьи Ивана Трофимовича Соколова. «В 1807 году все цыгане из хора Ивана Соколова получили вольную и переселились в Москву. После войны 1812 года собственно и начинается история московских цыган. Сначала переселившиеся в Москву цыганские хористы и выписанные ими родственники из ближнего Подмосковья расселились

относительно компактной группой на Козихином болоте и в Грузинах — на Большой и Малой Грузинских улицах, на Медынке (Зоологической улице) и на Живодёрке (ул. Красина). Большинство московских цыган было приписано к мещанскому сословию. Они жили в наемных и собственных деревянных домиках, имея до 1861 года нечто вроде местного самоуправления в лице выборного и утверждаемого полицейскими властями “бурми́стра”» (Черенков 2018). К концу XIX в. формируются и другие группы цыганского городского населения, преимущественно из русских цыган, прежде всего, торговцы лошадьми. Так в Москве они обосновались в районе современной Калитниковской улицы, вблизи конного рынка (Демер 2000: 196).

Среды цыган юго-западных губерний России оседлые цыгане отмечены уже во второй половине XVIII в.: «Цыгане Малороссии, как и везде, представляют собой большую часть кочевой элемент. <...> Но кроме таких, были и оседлые: так, в Понорницкой сотне [по сведениям полковой Черниговской канцелярии], в том же 1765 г. было два цыгана, имевших постоянное жительство и отбывавших общенародные повинности. Это мелочный факт, но что оседлых цыган было сравнительно немалое количество, это можно подтвердить целым рядом указаний...» (Плохинский 1890: 99–100). Эти свидетельства, скорее всего, относятся к цыганам этнической группы сэрвы, составляющих значительное большинство на описываемой в источнике территории.

В XIX в. активно формируются группы оседлых цыган в сельской местности и в небольших городках, селах и поселках. Уже в XIX в. оседло проживали некоторые группы сэрвов в южных губерниях России (Демер 2000: 99). Среди русских цыган оседлые группы в этот период были известны в Псковской, Смоленской, Тверской, Новгородской и других губерниях России. Оседлые цыгане Смоленщины, например, занимались сельскими пастухами и деревенскими сторожами (Черенков 2018). При сборе Министерством государственных имуществ сведений о цыганах Российской империи на рубеже 1830–1840-х гг. из разных губерний России поступали сообщения об оседлости отдельных семей и групп цыган. Так, в Смоленской губернии, о цыганских семьях деревни Митяева и Гремучего колодезя Духовщинского уезда сообщалось: «Цыгане сии имеют постоянную оседлость в означенных деревнях и занимаются хлебопашеством» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 1413–23. Л. 31–32), о цыганской семье деревни Золожок Поречьского уезда указывалось: «...жительство имеет в собственном доме, на купленной им земле занимается хлебопашеством...» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 1413–32. Л. 31–32); в Вяземском уезде помещика Дмитрия Вишневого две души «имеют постоянную оседлость и занимаются хлебопашеством и меною лошадей...» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 1413–23. Л. 37). О цыганах села Козловка Воронежской губернии указывалось: «...находятся на месте жительства

в селе Козловке из коих первые два занимаются писарскою должностною, а последний — хлебопашеством» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 1413–19. Л. 38об). По сведениям 1839 г. в Енисейской губернии по последней ревизии среди цыган крестьянского сословия состояло 38 душ, из которых имели постоянную оседлость и занимались промыслами — 25, при этом «из них некоторые занимаются хлебопашеством». Находились в отлучке — 13 (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 1413–1. Л. 2).

Государственная политика Российской империи в отношении цыган в XVIII — середине XX вв. также была направлена на оседание цыганских групп и ограничение цыганских кочевий. Система российского законодательства в дореволюционный период в отношении цыган подробно рассмотрена в целом ряде исследований (Кеппен 1861; Смирнова-Сеславинская 2017), остановимся лишь на нескольких моментах. Одним из первых российских указов, распространявшийся на все губернии государства, был Указ 1766 г, согласно которому всех, «живущих в Слободско-Украинской и прочих губерниях цыган» указано с 1767 г. положить в семигривенный оклад, а кроме того, предписано приписаться в местах проживания, с отлучками только по паспортам от местных канцелярий (Смирнова-Сеславинская 2017). В XIX в. также неоднократно принимались законодательные акты, ограничивающие мобильность цыганских таборов. Указ Сената 1803 г. запрещал администрациям государственных селений и помещикам выдавать цыганам паспорта. Императорский указ 1809 г. запрещал отходить целыми семействами и ставить шатры. В указе 1839 г. объявлялось принятие мер к «водворению и пресечению бродяжничества» (Смирнова-Сеславинская 2017).

В Уставе о паспортах, например, действовали такие ограничительные нормы: ст. 173: «Цыганам, до постоянного их водворения в казенных селениях, паспортов не выдавать; по совершенном же водворении, выдавать им паспорта по приговорам сельских обществ, не более как одному лицу в семействе», действовавшая с 1839 г.; ст. 174: «Приписанные к казенным селениям Цыгане, которые отлучаются от места жительства без узаконенных дозволений и видов, а равно передержатели их, подвергаются взысканиям и наказаниям по статьям 1224, 1233–1236 Уложения о наказаниях»; ст. 175: «Вообще запрещается отпускать по паспортам цыган целыми семействами; за отпущенных таким образом Цыган и Цыганок, взыскивается с тех мест и лиц, кои им выдали паспорта, по тридцати копеек за каждого в пользу Приказа Общественного Призрения» (Устав о паспортах и беглых 1857: 35). Лишь цыгане, приписанные к купеческим и мещанским сословиям, пользовались большей свободой передвижений.

Действовали запреты на цыганское кочевание, в частности при возникающих ситуациях в Департаменте полиции ссылаются на применение «к кочующим цыганам п. 3 разд. 4 высочайше утвержденного 3-го июня

Рис. 2. Цыгане на ярмарке. Черниговская губерния. Фото Н. М. Могиланского, начало XX в. Фотоотпечаток. МАЭ № 557-76

1894 года мнения Государственного совета, по силе коего цыганам запрещается кочевание как в местах приписки, так и в других местностях империи...» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 65. Д. 132. Л. 2).

Несомненно, государственная политика России XVIII — начала XX вв. была направлена на оседание цыган, их интеграцию в общество и, разумеется, частично способствовала процессам оседания цыганских сообществ. Однако правоприменение этих ограничительных норм не всегда было строгим. Сами цыгане не стремились отказываться от кочевого быта и традиционных занятий, и значительная часть цыган России продолжала сохранять традиционное сезонное кочевье на протяжении всего периода, вплоть до середины XX в. О результатах проводившейся политики по оседанию цыган так сообщается из Санкт-Петербургской губернии: «Местное начальство принимает все меры к отклонению цыган от бродяжничества и к приучению их к оседлому, но в этом едва ли можно успеть с настоящим поколением, уже привыкшим с малолетства к кочевой, праздной жизни, которую цыган любит выше всякого довольства...» (Военно-статистическое обозрение 1851: 217).

В годы советской власти также проводилась целенаправленная политика, направленная на установление оседлого образа жизни цыганского населения страны. Важные законодательные акты этого периода, такие как Постановление ЦИК и СНК СССР от 1926 г. о содействии цыганам, желающим перейти к оседлому образу жизни; Постановление Президиума ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля 1928 г. «О наделении землей цыган, переходящих к трудовому оседлому образу жизни» (Деметер 2000: 203), а также создание цыганских промысловых артелей в городах и колхозов

также способствовали оседанию части цыганских групп (Килин 2005; Бугай 2012). Однако и этот период не привел к полному оседанию цыганского населения страны, кроме того, последующие репрессии, а затем и Великая Отечественная война вновь заставили вернуться к кочеванию и многие ранее осевшие коллективы (Черных 2017: 40).

В устной цыганской истории самым заметным событием, для многих таборов, изменивших их привычную жизнь, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 05.10.1956 г. «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством» и республиканское постановление Совета Министров РСФСР № 685 от 20.10.1956 г. с одноименным названием. Именно с этим указом сегодня значительная часть цыганских таборов и групп связывают свой отказ от сезонных кочевий и переход к оседлому образу жизни. Хотя указ и усложнил привычные летние передвижения таборов, многие таборы еще и на протяжении последующих лет оставались достаточно мобильными. Для русских цыган и других этнических групп, таборы которых передвигались на лошадях, указ, конечно, создал большие трудности, однако часть групп русских цыган и цыган-влахов продолжала кочевать и в дальнейшем. Между тем в сознании цыган указ стал важной вехой, связанной с переходом к оседлости. Подвижность и кочевание цыганских групп активно сохранялись вплоть до конца XX в., а в каких-то формах продолжает сохраняться и до настоящего времени.

МОБИЛЬНОСТЬ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ЦЫГАНСКИХ ГРУПП

Наиболее распространенными и известными в России являются кочевые традиции русских цыган. Основными занятиями этой группы цыган было барышничество лошадами, гадание и — среди женщин — попрошайничество. Барышничество, мена и продажа лошадей обусловили привязанность ареала кочевья преимущественно к сельским территориям, небольшим городам, реже — крупным городским центрам, ориентацию на села и города, где проводились конные ярмарки.

Основным транспортным средством передвижения русских цыган были конные повозки. Кочевание на своих лошадях русские цыгане активно практиковали до середины XX в., а отдельные группы и позднее, в 1970-е гг. эти особенности и определили специфику кочевых традиций русских цыган. Передвижение на лошадях ограничивало ареал кочевания одним крупным регионом.

Многочисленные источники свидетельствуют, что нередко, отправляясь на кочевье, русские цыгане брали с собой и домашний скот. Взрослых свиней привязывали за телегой. Для транспортировки небольших поросят имелось специальное устройство *хрептуко*, который делали по типу цыганской люльки, натягивали мешковину на раму, продольные

Рис. 3. Цыгане. На дороге близ Перми. 1900. Из фондов Пермского краеведческого музея

палки выступали впереди, чтобы вложить их в телегу сзади. На ткань клали поросенка и прикрывали тканью. Из домашних животных в таборе могли быть также собаки, изредка — крупный рогатый скот (Язык цыганский 2006: 606).

И хотя амплитуда передвижений иногда была значительной, она редко включала разные регионы. Характеризуя кочевья цыган Северо-Запада, О. А. Абраменко отмечает: «География кочевья была довольно обширной — для изучаемых нами групп это фактически был весь Северо-Запад от республик Прибалтики до Тверской области и Центральная Россия...» (Абраменко 2006: 18). Как видно из примера, в ареалы кочеваний группы русских цыган Северо-Запада не входили районы Поволжья, Урала и Сибири. Русские цыгане Урала также кочевали в основном в пределах Поволжья и Урала, в их ареал не входили территории Центральной России и Сибири. Основным кочевым ареалом русских цыган Сибири были восточные регионы России. Характеризуя русских цыган Смоленщины цыганолог Л. Н. Черенков отмечал: «...на Смоленщине были и “кочевые” (на самом деле — полуоседлые) цыгане, не имевшие постоянного жилища и проводившие теплые месяцы (с конца марта-начала апреля по конец сентября-начало октября) в разъездах в пределах двух-трех уездов, занимаясь лошадиным барышничеством» (Черенков 2011: 259). Конечно, и таборы старожильческих групп цыган предпринимали дальние кочевки и осваивали новые регионы, но такие передвижения были, скорее, исключением,

Рис. 4. Цыгане в шатре. Кузнецкий уезд, Алтайский край. Фото М. А. Круковского, начало XX в. Фотоотпечаток. МАЭ № 2354-264

нежели правилом в обычном кочевом передвижении цыганских таборов по известным и освоенным регионам.

Связь с тем или иным районом кочевания проявляется и в формировании особых региональных групп в структуре этнических групп старожильческого цыганского населения. У русских цыган к таким группам относят следующие: *смоленска рома*, или *смоляки*, *псковска рома*, *питерска рома*, *вэшитка рома* (букв. 'лесные цыгане', для цыган районов Русского Севера) и другие (Черенков 2011: 257). У цыган-влахов исследователи выделяют семь территориальных подразделений: кубанские (самоназвание — *кубáнски влахуря/кубáнциуря*), ставропольские, донские, астраханские, таганрогские, линёйские, вóложенские/валóжевские (Махотина, Панченко 2014: 129–130). У старожильческих групп привязанность к тому или иному региону прослеживается и в особом региональном компоненте идентичности: «Родина наша здесь, где мы только не были, а сюда, на Урал тянет», — комментируют пермские *руска рома* (ПМА 2005, Пермский край д. Ольховка).

Региональная модель кочевых ареалов была характерна и для цыган южных районов России. В описании цыган Богучарского уезда Воронежской губернии середины XIX в. дается такая характеристика цыганской мобильности (предположительно, цыгане этнической группы сэрвы): «Богучарские цыгане прежде не имели оседлага жилища, а только в известное время года почти все до одного съезжались в село

Монастырщенку. Здесь, на площади, при впадении яра Тубы в Дон, около монастыря (тогда еще бывшего в этом селе), они располагались шатрами и составляли целое селение, со своим атаманом (выборным), которого выбирали, как и все сельские общества. Во время такой стоянки цыгане платили подати, брали паспорта в волостном правлении — а затем снова разъезжались в разные стороны, преимущественно же в Землю Войска Донского, где, кроме кузнечества, занимались еще содержанием почтовых станций» (Ткачев 1867: 178–179).

Формирование регионального ареала кочевья обусловлено, видимо, не только занятиями и способами передвижения таборов, но и существованием ограничительных мер в отношении цыган России в XIX в. Для российских цыган в этот период существовали нормы, ограничивающие их мобильность, прежде всего это относилось к сельским жителям. Требовалось получение паспортов и других разрешительных документов, предпринимаемые правительством меры и существующие нормы о причислении к сельским и городским обществам также требовали «связи» с тем или иным населенным пунктом и регионом.

При общей, условно обозначенной нами «региональной» модели номадизма большинства старожильческих групп цыган России, существовали и определенные его варианты. Так, «локальной» моделью может считаться проживание на одном месте, выход на кочевье в летний период и возвращение осенью к месту постоянного проживания, как зафиксировано в источнике из Черниговской губернии: «...при всем старании поселить и обратить их к хлебопашеству, это не удастся. С весны они выставляют в хатах окна, поднимают полы, греются у разложенного огня, и при первых теплых днях вовсе исчезают из селения; к зиме же вновь возвращаются в свои опустелые хаты...» (Домонтович 1865: 545).

Таким образом, для старожильческих цыганских групп России были характерны общие закономерности сервисного номадизма, проявившиеся в нескольких вариантах региональной модели кочевых передвижений. Освоение новых территорий и рынков в этих условиях происходило постепенно, путем выдвигания таборов за пределы своего ареала традиционных кочевий и закрепления на новом месте.

МОБИЛЬНОСТЬ КЭЛДЭРАРОВ

Цыгане-кэлдэары относятся к числу тех цыганских групп, основными мужскими занятиями которых было ремесло, традиционно — работа по металлу, прежде всего, лужение. В XX в. к этому добавились изготовление бачков, сварка, ремонт металлических изделий и другие (Демятер 2000: 95–96; Черных 2003: 19–20). Занятия ремеслом мужчин и определяли цыганскую мобильность у кэлдэаров. Активная миграция цыган-кэлдэаров в Россию приходится на конец XIX — начало XX в.

Рис. 5. Портрет цыганки, город Валдай. Фото А. А. Беликова, 1926 г.
Негатив на стеклянном носителе. МАЭ И 1228-533

Можно было бы предполагать, что цыгане, проникающие в Россию из сопредельных государств, осваивали близкие с местами выхода, преимущественно западные, европейские, районы страны. Однако особенностью кэлдэраров стала значительно большая мобильность в сравнении с другими цыганскими старожильческими группами России.

Цыгане-кэлдэрары рано отказались от лошадей и повозок. Дискуссионным оставался вопрос о том, бытовало ли вообще у кэлдэрарских таборов в России кочевание на лошадях с повозками. Документы позволяют утверждать, что некоторые таборы еще сохраняли лошадей и кочевали на повозках и в пределах Российской империи (Черных 2018: 143). Однако привязанность цыган-кэлдэраров к лошадям не была такой, как у русских цыган, и они использовали лошадей и повозки исключительно как средства передвижения. Отказавшиеся от традиционного кочевания на лошадях (а многие кэлдэрарские таборы в России уже никогда не использовали лошадь и телеги в качестве средства передвижения), группы оказались более мобильны в освоении огромной российской территории. Их мобильность и динамика передвижений позволили им появляться в самых разных и отдаленных российских регионах вплоть до районов Дальнего Востока. Появившиеся в конце XIX — начале XX вв. в Российском государстве кэлдэрары освоили прежде всего

железнодорожный транспорт, позволяющий им преодолевать значительные расстояния за короткое время.

Большую мобильность цыганам-кэлдэрарам обеспечивал и статус иностранных подданных, от которого они не спешили отказываться вплоть до 1930-х гг., так как для российских цыган в этот период существовал целый ряд ограничительных мер, сдерживающих их мобильность (Черных 2018: 140–143).

Интересным примером мобильности кэлдэраров служит описание передвижений в течение второй половины 1899 г. одной из групп лудильщиков под руководством Михаила Деметера, российского подданного, и его иностранных родственников: «За истекший 1899 год по приезду моих родных австрийских подданных Янчи Дюрка, Януса Вайда, Капитона Бильбо, сербских подданных Златко Михайлова и Ефрема Бильбо с семьями как мастеров медно-слесарных работ в Россию, они вместе со мной, русским подданным, в сентябре месяце прибыли во Владивосток, где в Никольско-Ассурийском крае, Чете, Хабаровске, и Благовещенске работали новые медные котлы и исправляли старые для находящихся в этих местностях войск. По случаю возникших в Китае беспорядков, мы принуждены были из Ассурийского края, откуда выехали в июне месяце сего года в Хабаровск, а в последних числах августа месяца их Хабаровска в Омск и далее. 10 декабря прибыл в Уфу, где также пожелали остановиться для производства медно-слесарной работы. 11 декабря явились в Уфимское городское полицейское управление, для предъявления наших русских и заграничных паспортов. И дозволения заняться нашими работами...» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 52 Д. 82. Л. 54).

В 1915 г. Букур Георгиевич Михай, 1881 г. р., православный, румынский подданный, лудильщик из Москвы, так рассказывал о своих передвижениях по России в последние несколько лет: «Я с братом Ионицем приехал в Москву 11 февраля сего года [1915] из Тулы, где пробыл недели две. В Тулу же приехал из Екатеринослава, где жил месяца два, занимаясь лужением посуды. В России я с семейством и братом проживаю уже давно, лет семь — причем большую часть времени в Крыму и на Кавказе. Ездил также в Сибирь. Был в Омске, в Новониколаевске, всюду занимаясь лужением и покупкой железа. Года 4 тому назад я содержал цыганский хор в Перми и других городах...» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 35. Д. 119. Л. 12).

Анализ мест выдачи разрешительных документов показывает, что цыганское кэлдэарское население в конце XIX — начале XX в. постоянно или временно присутствовало в большинстве регионов России за исключением районов Средней Азии и Закавказья, крайних северных территорий. Высокую мобильность кэлдэары сохраняли в течение всего XX в. (Черных 2018: 144).

Мобильность кэлдэраров и готовность их к передвижениям раскрывают и предания об авантюрных путешествиях, которые есть почти в

каждом кэлдэрарском таборе. Так, преданием кэлдэраров рода чюкуртони являются тексты о «путешествии» их табора на золотые прииски: «Наши чюкуртони ехали... где Магадан ехали. Ой, это долгая история... Они заказали себе лодки. По заказу сделали лодки. Туда дорога не идет, туда по воде только. Забыла, как называется город... Золотые прииски, как оно это называется. Чюкуртони заказали себе туда по заказу лодки. И весь табор поехал туда на заработки. И вот они идут по этой речке, там пароходы не ходят, поезда не ходят, только на лодках. Идут на веслах. И пережат, вода вот так идет. И понесло их. Чуть не утонули чюкуртони. И друг друга спасали. Веревки большие у них, и спасали. Молодые парни прыгали в воду. По одной лодке вытаскивали на берега. Они идут, они не рады были. Там вся семья! Семьями. Каждая семья делала себе лодку. Еле-еле доехали. Они идут, а самолет наблюдает за ними. И доехали до этого города. Они там думали, что забогатеют. А там... Два-три заводика маленькие. Ну они там пожилы, как бы что-то сделали. И уже ждали зиму, как бы вернуться обратно. Приехали, отсюда поехали — лето было, туда пришли — там зима. Выкопали в снегу себе такие большие норки, как они называются... и жили там с детьми в снегу...» (ПМА 2017b).

Реконструировать географию кочевания цыганского табора всегда достаточно сложно, ибо основным источником для таких реконструкций могут стать лишь устные свидетельства, в редких случаях подкрепленные документальными материалами. Так, один из таборов цыган-кэлдэраров рода рувони в 1920-е гг. обосновался в Москве, после репрессий 1930-х гг. вынужден был покинуть Москву и кочевать по Центральной России. Период Великой Отечественной войны заставил рувони отказаться от привычных маршрутов в Центральной части России и осваивать Сибирь. В послевоенный период рувони также остались в освоенной в период войны Сибири. Среди сибирских городов, где по несколько лет проживал табор в послевоенный период — Чита, Томск, Красноярск, Иркутск, Актюбинск. После нескольких лет проживания в Иркутске, в 1978 г. табор переезжает в Актюбинск и, перезимовав в этом городе, в 1979 г. обосновывается в Перми — последнем пункте в кочевой истории табора (Черных 2017: 40–41).

Вспоминая места проживания в XX в. кэлдэрары рода чюкуртони, обосновавшиеся с 1980-х гг. в Ижевске называют: «До Нижнего Новгорода в Красноярске жили, в Омске жили, в Кунгуре (Пермский край) жили. В Подмосковье жили, забыл, как там город называется. Во Ржеве они жили. В Питере жили, еще куда-то, в Пскове, что ли... Во Владимире жили. На Украине жили, в Новопетровске мы жили...» (ПМА 2017b).

Ценный источник по истории и этнографии кэлдэраров, книга О. Петровича «Бароны табора сапоррони» (2007) также позволяет в некоторой степени реконструировать маршруты передвижений табора. Среди мест проживания табора в XX в. в книге упоминаются Кишинев, Москва,

Восточная Украина и Белоруссия, Рига, город Ижора Ленинградской области, поселок Авдотьино Донецкой области, поселки Славное и Савватьево Калининской (Тверской) области (Петрович 2007: 6, 27, 43, 66, 77, 78, 119, 141, 151).

Все эти примеры показывают особенности цыганской мобильности кэлдэрахов — значительную амплитуду и масштабность передвижений в границах СССР и России вплоть до постепенного оседания таборов в той или иной территории во второй половине XX в.

Таким образом, рассматривая особенности кочевых традиций российских групп цыган, можно выделить несколько сложившихся моделей сервисного номадизма, условно обозначенных нами, — локальную, ярко проявившуюся в сэввицкой традиции, характеризующуюся проживанием на постоянном месте, уход на кочевье в летний период и возвращение к прежнему месту проживания к зиме. Такой же вариант характерен и для ряда групп русских цыган, особенно на последнем этапе сохранения кочевых передвижений в середине — второй половине XX в. Региональная модель кочевий характерна для большинства старожильческих цыганских групп, прежде всего, русских цыган. Она характеризуется выстраиванием маршрутов кочевых передвижений в определенном регионе. И масштабную российскую модель сервисного номадизма, характерную для цыган-кэлдэрахов.

В «классических» формах с различными вариантами и проявлениями данные модели существовали до середины XX в. Хотя именно в XX в. они переживали существенные трансформации, приобретали в каждый из исторических периодов разные формы, и в конечном итоге целый комплекс причин привел к оседанию кочевых таборов в России. Однако социально-экономические факторы на рубеже XX–XXI в. вновь привели к мобильности уже оседлых цыганских групп, заставив вновь обратиться к кочевому образу жизни с палатками, сезонностью в переездах. Однако это явление, получившее термин «вторичного кочевья» (Бессонов 2018b), лишь отчасти связано с традиционными формами цыганских кочевий и требует отдельного антропологического исследования.

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-31-00008-ОГН «Этнокультурное пространство Урала: идентичность, культура, взаимодействие» (рук. А. В. Черных).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 2017а. Пос. Щучье Озеро Октябрьского района Пермского края, русские цыгане.
 ПМА 2017б. Ижевск.
 ПМА 2005. Пермский край, д. Ольховка.
 Абраменко О. А. Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (русская и лотфитка рома). СПб., 2006.

Бессонов Н. В. Цыгане // Многонациональный Петербург: История. Религии. Народы. СПб., 2002. URL: <http://lilogo.ru/romanes/bessonov4.htm> (дата обращения: 14.01.2018).

Бессонов Н. В. Миф о «кочевом племени» // Цыгане России. URL: <http://gypsy-life.net/mif-17.htm> (дата обращения: 10.05.2018а).

Бессонов Н. В. Есть ли сейчас кочевые цыгане? // Цыгане России. URL: <http://gypsy-life.net/foto-06.htm> (дата обращения: 10.05.2018б).

Бугай Н. Ф. Цыгане России: общество, адаптация, консенсус (1900–2010). М., 2012.

Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1851. Т. 3. Ч. 1: Санкт-Петербургская губерния.

Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган — новый взгляд. Воронеж, 2000.

Кеппен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.

Килин А. П. Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации (1926–1937) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 187–226.

Киселева Т. Ф. Цыганы европейской части Союза ССР и их переход от кочевания к оседлости: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1952.

Лекоент де Лаво Г. Описание Нижнего Новгорода и ежегодно бывающей в нем ярмарки. М., 1829.

Марушиакова Е. Сервизните номади на Балканите // Проблеми на съвременната етнология. София, 2004. С. 322–340.

Марушиакова Е., Попов В. Циганите в Османската империя. София Център за циганоложки изследвания: Литавра, 2000.

Марушиакова Е., Попов В. Преходът от чергарствоване към усядане. Христоматия по ромска култура. София, 2004. С. 9–22.

Махотина И., Панченко Я. Материалы для изучения цыган-влахов и их диалекта (территориальное подразделение кубанцуря) // Romii/Tiganiii din Republica Moldova: Comunitate etnosocială, multiculturală, istorico-tradițională (1414–2014). Chișinău, 2014. С. 128–140.

Петрович О. (Мурша ле Ристоск' ай ла Ленако). Бароны табэра Сапоррони. СПб., 2007.

Плохинский М. Цыгане старой Малороссии (по архивным документам) // Этнографическое обозрение. 1890. № 4. С. 95–117.

Смирнова-Сеславинская М. В. Формирование «старожильческого» цыганского населения и его интеграция в сословную систему России в XVII–XVIII вв. // Roma: past, present, future. Munich, 2016. P. 24–55.

Смирнова-Сеславинская М. В. Законодательство и государственная политика Российской империи в отношении цыганского населения // Genesis: исторические исследования. 2017. № 8. С. 1–21.

Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. Антропология социокультурного развития цыганского населения России. М., 2011.

Ткачев Г. Этнографические очерки Богучарского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865–1866 гг. Воронеж, 1867. С. 159–232.

Черенков Л. Н. Цыгане Москвы и Подмосковья // Цыгане России. URL: <http://gypsy-life.net/history26.htm> (дата обращения: 12.05.2018).

Черенков Л. Н. Цыгане Смоленщины (историко-этнографический очерк) // Смоленская земля. Дорогобужский район: Очерки прошлого и настоящего. М., 2011. С. 256–272.

Черных А. В. Пермские цыгане. Очерки этнографии цыганского табора. Пермь, 2003.

Черных А. В. Кочевое прошлое и современная мобильность цыган-кэлдэраров России // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 35–43.

Черных А. В. Цыгане-кэлдэрары в России во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 1 (40). С. 138–148.

Цветков Г. Н. История и социальное развитие цыган-ловаря // Наукові записки. Т. 15. Тематичний випуск «Роми України: із минулого в майбутнє». Київ, 2008. С. 471–488.

Язык цыганский весь в загадках. Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андрониковой. СПб., 2006.

Hayden R. M. The Cultural Ecology of Service Nomads // The Eastern Anthropologist. 1979. № 32, 4. P. 297–309.

Rao A. The concept of peripatetics: an introduction // The Other Nomads, Peripatetic Minorities in Cross-Cultural Perspective. 1987. 14. P. 1–32.

The Other Nomads, Peripatetic Minorities in Cross-Cultural Perspective. Cologne, 1987.

ROMANI NOMADISM: RUSSIAN MODELS (THE 19th — FIRST HALF OF THE 20th CENTURIES)

ABSTRACT. The article focuses on Romani nomadism in Russia. It analyses terminology, main concepts of nomadism and categorizes “service nomadism”, “commerce nomadism” and other terms used in international and Russian researches. The article determines main concepts of Roma nomadism in Russia which are seasonality, connection between nomadism and domesticity, habitation and nomadism among Russian folks. It uncovers that distinguishing features of nomadism and mobility of Roma inhabitants in Russia depended on many factors among which are peculiarities of traditional activities of one or another group, special features of nomadic traditions, character and structure of interaction between Roma and non-ethnic population, norms of the law regulating and limiting migration inside the state, adaptation of the group to social-economic and ethno-cultural realias. Examples of sedentary groups of Roma are provided which busts a myth as of universal characteristic specific for all Roma societies. There are several models of roving among Roma which are local (living in one place; roving in summer period), regional which is specific for some Roma groups, especially Russian Roma and massive Russian model of nomadic way of life which is specific for Kalderar Roma. Such models of roving way of life in its classic display existed until the middle of 20th century. The research is based on field, archive and published sources.

KEYWORDS: Roma of Russia, nomadism, nomadic traditions, models of mobility, ethnic groups of Roma

Alexander V. CHERNYKH — Member of the RAS, Doctor of Historical Sciences, Perm Federal Research Center of Ural Department of Russian Academy of Sciences (Russia, Perm)
E-mail: atschernych@yandex.ru

REFERENCES

Abramenko O. A. *Ocherki yazyka i kultury tsygan Severo-Zapad Rossii* [Essays on the Language and Culture of Roma in the North-West of Russia]. St. Petersburg: Anima Publ., 2006, 288 p. (in Russ.).

Bessonov N. *Mifo «kochevom plemeni»* [The Myth of the “Nomadic Tribe”]. Available at: <http://gypsy-life.net/mif-17.htm> (accessed: 10.05.2018). (in Russ.).

Bessonov N. V. [Are there Nomadic Roma Now?]. *Tsygane Rossii* [Gypsies of Russia]. Available at: <http://gypsy-life.net/foto-06.htm> (accessed: 10.05.2018). (in Russ.).

Bessonov N. V. [Gypsies]. *Mnogonatsionalnyy Peterburg: Istoriya. Religii. Narody* [Multinational Saint Petersburg: History. Religions. Peoples]. St. Petersburg: “Iskusstvo-SPB” Publ., 2002. Available at: <http://liloro.ru/romanes/bessonov4.htm> (accessed: 10.05.2018). (in Russ.).

Bugay N. F. *Tsygane Rossii: obshchestvo, adaptatsiya, konsensus (1900–2010)* [Gypsies of Russia: Society, Adaptation, Consensus (1900–2010)]. Moscow: Kuchkovo pole; Lavandr Publ., 2012, 352 p. (in Russ.).

Cherenkov L. N. [Gypsies in Moscow and the Moscow region]. *Tsygane Rossii* [Gypsies of Russia]. Available at: <http://gypsy-life.net/history26.htm> (accessed: 12.05.2018). (in Russ.).

Cherenkov L. N. [Gypsies of the Smolensk Region (Historical and Ethnographic Essay)]. *Smolenskaya zemlya. Dorogobuzhskiy rayon: Ocherki proshlogo i nastoyashchego* [Smolensk Land. Dorogobuzh District: Essays on the Past and Present]. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2011, pp. 256–272. (in Russ.).

Chernykh A. V. [Nomadic Past and Modern Mobility of the Roma Kalderar in Russia]. *Ural'skij istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 2 (55), pp. 35–43. (in Russ.).

Chernykh A. V. [The Kalderash Roma in Russia in the second half of the 19th and early 20th Centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2018, iss. 1 (40), pp. 138–148. (in Russ.).

Chernykh A. V. *Permskie tsygane: ocherki etnografi i tsyganskogo tabora* [Perm Gypsies: essays on the ethnography of the Gypsy camp]. Perm: PGU Publ., 2003, 60 p. (in Russ.).

Tsvetkov G. N. [History and Social Development of the Roma Lovara]. *Naukovi zapiski* [Scientific Notes]. Kiev: Institut ukraïn'skoï arheografii ta dzhereloznavstva im. M. S. Grushevs'kogo NAN Ukraïni, 2008. Vol. 15, pp. 471–488. (in Russ.).

Demeter N., Bessonov N., Kutenkov V. *Istoriya tsygan — novyy vzglyad* [History of the Gypsies — a New Look]. Voronezh: IPF “Voronezh” Publ., 2000, 336 p. (in Russ.).

Hayden R. M. The Cultural Ecology of Service Nomads. *The Eastern Anthropologist*, 1979, no. 32, 4, pp. 297–309. (in English).

Kilin A. P. [The Policy of Transferring Roma to Sedentary Lifestyles: Problems of Implementation (1926–1937)]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost* [Document. Archive. History. Modernity], 2005, iss. 5, pp. 187–226. (in Russ.).

Kiseleva T. F. *Tsygany evropeyskoy chasti Soyuzu SSR i ikh perekhod ot kochevaniya k osedlosti*. Avtoref. Diss. Kand. [Gypsies of the European Part of the USSR and their Transition from Nomadic to Settled Life: Abstract Cand. Diss.]. Moscow, 1952, 12 p. (in Russ.).

Makhotina I., Panchenko Ya. [Materials for the study of Gypsy-Vlachs and their dialects (territorial division of the Convent)]. *Romii/Țigani din Republica Moldova: Comunitate etnosocială*,

multiculturală, istorico-tradițională (1414–2014) [Roma / Gypsies of the Republic of Moldova: Ethnosocial, Multicultural, Historical-Traditional Community (1414–2014)]. Chișinău: Academia de Științe a Moldovei Institutul Patrimoniului, Cultural Centrul de Etnologie, Secția «Minorități entice», Grupul «Etnologia romilor», 2014, pp. 128–140. (in Russ.).

Marushiakova Ye. [Service Nomads in the Balkans]. *Problemi na svremennata etnologiya* [Problems of modern ethnology]. Sofia: Institut za etnologiya i folkloristika s Yetnografski muzey pri BAN Publ., 2004, pp. 322–340. (in Bulgarian).

Marushiakova Ye., Popov V. *Prekhodt ot chergarstvovane km usyadane* [The Transition from Chergarstvovane to Sedentary]. *Khristomatiya po romska kultura* [Reader of Gypsy culture]. Sofia: Iktus-Print Publ., 2004, pp. 9–22. (in Bulgarian).

Marushiakova Ye., Popov V. *Tsiganite v Osmanskata imperiya* [Gypsies in the Ottoman Empire]. Sofia: Tsentr za tsiganolozhki izsledvaniya Publ., 2000, 116 p. (in Bulgarian).

Petrovich O. *Barony tabera Saporrni* [Barons of Saporrni tribe]. St. Petersburg: Anima Publ., 2007, 536 p. (in Russ.).

Rao A. The concept of peripatetics: an introduction. *The Other Nomads, Peripatetic Minorities in Cross-Cultural Perspective*, 1987, 14, pp. 1–32. (in English).

Smirnova-Seslavinskaya M. V. [Formation of the “Old” Romani Population and Its Integration in the Russian Class System in the 19–20th Centuries]. *Roma: past, present, future*. Munich: Lincom, 2016, pp. 24–55. (in Russ.).

Smirnova-Seslavinskaya M. V. [Legislation and State Policy of the Russian Empire with Regards to Romani Population]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical research], 2017, no. 8, pp. 1–21. (in Russ.).

Smirnova-Seslavinskaya M. V., Tsvetkov G. N. *Antropologiya sotsiokulturnogo razvitiya tsyganskogo naseleniya Rossii* [Anthropology of the Socio-Cultural Development of the Roma Population of Russia]. Moscow: Federalnyy institut razvitiya obrazovaniya Publ., 2011, 128 p. (in Russ.).

The Other Nomads, Peripatetic Minorities in Cross-Cultural Perspective. Köln: Böhlau, 1987, xiv, 391 p. (in English).